

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1.09 (Мамин-Сибиряк Д.Н.) ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

О.В. Зырянов

Екатеринбург, Россия

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ*

Аннотация: В подходе к творческому наследию выдающегося уральского писателя-классика Д.Н. Мамина-Сибиряка определяются ключевые аспекты исследования (методология, художественная аксиология, геопоэтика, жанровая система, языковое мастерство). Задачи современного маминоведения увязываются с перспективами уральской литературной регионалистики.

Ключевые слова: Д.Н. Мамин-Сибиряк, художественный мир, аксиологическая система, творческий метод, религиозные мотивы, литературная регионалистика.

O.V. Zyryanov

Yekaterinburg, Russia

MAMIN-SIBIRYAK'S LITERARY LEGACY AND PROSPECTS OF REGIONAL LITERARY STUDIES

Abstract: The article observes the key areas of the research of Mamin Sibiryak's body of literary works, i.e. literary method and axiology, geopoetics, genre system and the language skill of the outstanding Ural writer. The objects of the contemporary Mamin-Sibiryak studies are linked to the prospects of Ural Region literary studies.

Keywords: D.N. Mamin-Sibiryak, axiological system, literary method, regional literary studies.

Имя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852–1912) неразрывно связано с Уральским краем, родным для него географическим регионом. Обще-признанный классик отечественной литературы, выразитель «особого быта» Урала, его поистине уникального социально-культурного ландшафта, Мамин через всю свою жизнь пронес любовь к родному краю, что запечатлено в его знаменитом признании: «Урал, Урал! Тело каменно – сердце пламенно». Не случайно для другого известного русского писателя, Михаила Пришвина, творчество Мамина-Сибиряка ассоциировалось именно с национальным чувством, ощущением Родины: «Не надо гоняться за Александром Невским или выкапывать “Слово о полку Игореве”. Достаточно развернуть любую книгу Мамина, понять – и родина будет открыта. Современники не поняли Мамина потому, что в любой его книге культура Отца – Патриотизм» [Пришвин 1990: 251]. И как неизбежный вывод из этого: «Почему же у нас не узнали Мамина в лицо? Я отвечу: потому не узнали, что смотрели в сторону разрушения, а не утверждения родины» [Там же]. Скорбные слова, почти совпадающие с чеховским признанием: «Мамин принадлежит к тем писателям, которых по-настоящему начинают читать и ценить после их смерти» [Потапенко 1962: 220].

Исполнившийся в ноябре этого года двойной юбилей писателя – 160 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти – высветил одну непреложную истину: перед нами признанный литературный клас-

сик не только регионального, но и общероссийского масштаба. Значение Мамина как общенационального художника в том и состоит, что «он вернул Урал не только Уралу, но и России, в особенности вернул старое, древнерусское, исконное, что лежало в старом Урале» [Елпатьевский 1962: 201]. Однако парадоксальность современной ситуации заключается в том, что писателя, гениально отразившего «символический капитал» Уральского края и своими произведениями наконец-то вернувшего Урал России, еще самого предстоит вернуть широкому российскому читателю. Горькая ирония судьбы, сопровождавшая художника как при жизни, так и после смерти, заключается в том, что изучение творческой личности Мамина-Сибиряка, его достаточно обширного художественного наследия, до сих пор еще полностью не собранного и не прокомментированного, в силу определенных обстоятельств оказалось оторвано от большой академической науки и отдано исключительно на откуп региональному литературоведению. Отсюда сам собой напрашивающийся вывод: именно уральской регионалистике, по всей видимости, предстоит почетная миссия высветить истинный масштаб творческого дарования Мамина-Сибиряка, раскрыть его роль и место в общероссийском литературном процессе. Данным обстоятельством как раз и продиктовано публикуемое исследование, ставящее своей целью наметить основные задачи познания творчества уральского писателя-классика в контексте перспектив литературной регионалистики.

1. Текстологическая и издательская проблема.

Пожалуй, одна из самых острых проблем современного «маминоведения» – это текстологиче-

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Соглашение № 14.А18.21.0999.

ская и издательская работа по собиранию и комментированию полного корпуса сочинений писателя. Имеющиеся на сегодняшний день наиболее представительные собрания сочинений [Мамин-Сибиряк 1915–1917; Мамин-Сибиряк 1948–1951; Мамин-Сибиряк 1953–1955; Мамин-Сибиряк 1958; Мамин-Сибиряк 1980–1981], равно как 12 томов, изданные И.А. Дергачевым на протяжении 1980-х годов в серии «Уральская библиотека» (Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство), серьезно приближают решение данной проблемы, но не закрывают ее окончательно. Интересный опыт возвращения забытых страниц Мамина демонстрируют двухтомники под редакцией Е.Н. Естафьевой [Мамин-Сибиряк 1999] и Л.М. Слобожаниновой [Мамин-Сибиряк 2008; Мамин-Сибиряк 2012]. Но все эти издания, предназначенные для массовой читательской аудитории, не ставят своей целью дать полное, исчерпывающее представление о творческом наследии писателя.

Указанной цели призван достичь проект научно-критического издания Полного собрания сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка в 20 т., осуществляемый на базе издательства «Банк культурной информации». Издание начато еще в 2002 г. проф. Г.К. Щенниковым при поддержке Министерства культуры Свердловской области. К 2007 г. вышло четыре тома в 5-ти книгах, после чего издание было заморожено по независимым от редколлегии причинам. Только в конце 2011 г. – уже в составе новой редколлегии – вышел пятый том с полным сводом «Уральских рассказов». На сегодняшний день подготовлен к печати шестой том с уникальным составом драматургии Мамина, забытым романом «Именинник» и др. произведениями конца 1880-х гг. В ближайших планах редколлегии подготовка отдельного тома с циклом «Сибирских рассказов» и тома, включающего произведения писателя о детях и для детей. Хочется надеяться, что при финансовой поддержке Министерства культуры Свердловской области издание полного собрания сочинений Мамина будет поставлено на твердую систематическую основу. Создание комфортных условий работы для творческого коллектива (редколлегии издания) – гарантия его успешного и планомерного продвижения.

Действительно, только при учете полного свода произведений писателя, причем не только его чисто художественных текстов, но и публицистического и эпистолярного наследия, можно говорить об аутентичном понимании масштаба и адекватной оценке творческой индивидуальности Мамина-Сибиряка.

2. Региональный и/или общенациональный статус уральского писателя.

В современной ситуации, обозначенной более чем столетним рубежом (поскольку постижение Мамина как писателя началось еще при его жизни), продолжает оставаться актуальным вопрос о задачах познания Мамина-художника, о новых перспективах в изучении его полномасштабного творческого наследия. И, пожалуй, важнейший вопрос в подходе к творчеству уральского писателя: в какой степени по отношению к нему обосновано приме-

нение терминов и критериев литературного регионализма?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от понимания самого термина «регионализм». В самом общем виде под «регионализмом» понимается принцип содержательного деления литературного пространства на основе этнокультурного и географического факторов [см.: Чмыхало 1993], что, в свою очередь, приводит к локализации историко-литературного процесса, его привязке к строго определенной местности (в нашем случае к Урало-Сибирскому региону). Подобный регионализм проявляется не только в придании литературе ярко выраженного «местного колорита», но и в утверждении особых форм самосознания территории, более того, своего рода «культурного сепаратизма» (Г.Н. Потанин).

Общепризнано, что Мамин – самый яркий и самобытный в художественном отношении «певец Урала». Может быть, к нему даже в большей степени подошел бы литературный псевдоним «Уралец». Но то, что он выбрал и «застолбил» в литературе другое имя – «Сибиряк», представляется также далеко не случайным. Урал во времена Мамина воспринимался как перевал, или буквально переходная грань, между Россией и Сибирью¹. Это еще не настоящая Сибирь, но такое место, где сталкивались черты коренного старорусского населения со специфическими чертами субэтнуса сибиряков, так называемых челдонов [см.: Гумилев 1990: 21], и где, как вполне закономерный итог, в процессе исторического развития выработался особый тип уральской жизни и особый характер уральских людей. Именно этот специфически уральский тип жизни, выраженный не столько в узко этнографическом, сколько широком, культурно-историческом плане, и вывел в своих произведениях с присущей ему художественной силой и размахом Мамин-Сибиряк.

При этом следует помнить, что значение Мамина как художника ни в коем случае не ограничивается литературным регионализмом, понимаемым в смысле замкнутости (тем более обособленности) определенной сферы национального культурно-исторического пространства. Продуктивное освоение региональной проблематики в творчестве уральского писателя следует рассматривать в качестве закономерной составляющей, одной из ведущих тенденций общероссийского литературного процесса, вызванных насущными задачами и внутренними потребностями общенациональной литературной жизни. Поэтому-то утверждение региональной проблематики, этнографических особенностей и «местного колорита» не только не подвигало Мamina к политике «культурного сепаратизма», но, скорее, даже напротив, акцентировало в его творчестве истинно *национальный масштаб* художественной типизации.

В этом плане, может быть, особенно показателен такой важный для творчества Мамина-Сибиряка

¹ По образному выражению самого писателя из рассказа «На перевале» (цикл «Сибирских рассказов»): «Одной ногой в Расе, другой – в Сибири» [Мамин 1991: 35].

концепт, как «русский характер (или ментальность)», который очень часто проступает в портретных зарисовках героев и в размышлениях автора о судьбе и повадках русского человека. Как можно предположить, именно пограничная ситуация, заключающая в себе столкновение старорусского типа и коренного сибиряка, русского человека и представителя иного этноконфессионального мира, обостряет чувство русской национальности, заставляя Мамина (как некогда и Н.В. Гоголя, наблюдавшего Русь из «прекрасного далека») вновь и вновь обращаться к проблеме национального характера.

3. О задачах познания Мамина. Поэтика жанра, эволюция повествовательных форм.

В течение длительного времени складывался миф об отлучении Мамина-художника не только от «главного русла литературы» (Е. Колтоновская), но и вообще от основного корпуса общероссийской классики. Имеющие место в академической и учебной литературе сравнения Мамина с А.И. Эртелем и П.Д. Боборыкиным² принижают писателя, искажают его истинное место и роль в истории отечественной литературы.

Своими монографическими исследованиями И.А. Дергачев еще в 1970–80-е годы [см.: Дергачев 1981; 1992; 2005], а Г.К. Щенников в 2000-е (имеется в виду редактируемый им сборник материалов юбилейной конференции [Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка... 2002]) по мере сил развенчивали данный миф, преодолевали сложившееся в отечественном литературоведении досадное заблуждение. И во многом благодаря их усилиям сегодня становится ясно, что Мамин-Сибиряк – писатель не только региональной, областной направленности, но и общенациональный писатель-классик, по своему значению ничуть не уступающий таким прославленным мастерам слова, как Г.И. Успенский, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко. По замечанию литератора Е.П. Карпова, близко знавшего писателя и во многом ему обязанного, «Мамин талантливее Горького и Леонида Андреева и выше Короленки и Чехова» [Из воспоминаний Ф.Ф. Фидлера]. Несмотря на субъективный характер приведенного высказывания, с которым отчасти можно и поспорить, ясно одно: истинная оценка художественного мастерства Мамина-Сибиряка, подлинное осмысление его творческого потенциала возможны лишь в перспективе сравнений с такими прославленными именами, как Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, М. Горький. Важен здесь и учет мирового литературного контекста: вполне закономерными выглядят сравнения Мамина

с Э. Золя, Дж. Лондоном и Брет Гартом. Красноречиво свидетельствует об этом и проходящее через все творчество художника увлечение идеями А. Шопенгауэра, произведениями Шекспира, Гете, Г. Гауптмана и др. европейских писателей.

Общепризнано, что в последние два десятилетия развитие отечественной филологической науки характеризуется существенным обновлением методологической базы исследования. Перестроечное и постперестроечное время потребовало новых ценностных ориентиров, критического пересмотра традиционно-социологических подходов к отечественной литературной классике. Новейшая историческая эпоха, интенсивная модернизация языка и методов литературоведческого исследования неизбежным образом сказывается и на понимании творчества уральского писателя. Центр тяжести научных исследований переносится на изучение художественной аксиологии Мамина-Сибиряка, духовно-религиозной составляющей его творчества, на поэтику жанров и повествовательных структур, интертекстуальный фон и творческий диалог писателя с предшествующей и современной ему литературной традицией. Исследовательский интерес проявляется все больше к произведениям «второго ряда» (идет ли речь о романах или текстах малой повествовательной формы – рассказах и очерках). В существенной корректировке нуждается также вопрос об эволюции творчества художника: при этом все больше дает о себе знать тенденция к реабилитации «позднего» Мамина (1890–1900-х гг.), выяснение истоков его художественных открытий и новаторских экспериментов. Один из существеннейших вопросов маминоведения – выявление вклада писателя в развитие русского реализма и крупной романной формы.

По этому вопросу И.А. Дергачев последовательно и смело, хотя и деликатно, корректировал бахтинскую концепцию романного жанра. С точки зрения исследователя, жанровое «хозяйство» реализма определяет не только романизация, но и очерковая типизация, которая имеет тенденцию транспонироваться и в другие жанры (рассказ и даже роман). В таком случае Дергачев предпочитал говорить о «жанровой мимикрии рассказов» [Дергачев 1992: 217]. Более того, он заявлял о *новом типе романа*, который пришел на смену классическому типу, получившему свое начало в пушкинском «Евгении Онегине» и воплотившемуся наиболее ярко в романе тургеневского образца. Генеалогию этого типа романа (романа из жизни «культурной» среды, очерчивающего границы самосознания героя) исследователь усматривал в той концепции личности, которая восходит «к гегелевскому пониманию человека, отождествляемого с его самосознанием» [Там же: 212]. Новый тип романа, по мнению Дергачева, осваивает новые принципы диалогизма, на место интеллектуальных конструкций и логической диалектики ставя «своеобразное отрицание авторитарности мышления», «стремление подчеркнуть незавершенность произведения, неокончателность художественной мысли», «эстетическое достоинство факта» [Там же: 216, 217]. Гегелевская концепция

² В достаточно представительном опыте академической «Истории русской литературы», с одной стороны, декларируется роль Мамина-Сибиряка (наряду с Л.Н. Толстым, Н. Щедриным, Н.А. Некрасовым, А.Н. Островским и Г.И. Успенским) в развитии русского реализма, а с другой – творчество писателя включается в один ряд с такими именами беллетристов, как Вас.И. Немирович-Данченко, С.В. Максимов, Ф.Д. Нефедов и др. Даже анализ романного творчества писателя в количественном отношении иногда уступает монографическим обзорам произведений второстепенных авторов – А.В. Амфитеатрова, П.Д. Боборыкина, А.И. Эртеля, Н. Гарина-Михайловского [История русской литературы 1982: III, 58; IV, 31, 244–247, 267].

человека уступает здесь место философскому позитивизму в духе О. Конта и Г. Спенсера, что находит наиболее яркое воплощение в очерках Г.И. Успенского, произведениях Ф.М. Решетникова и романах Мамина-Сибиряка. Думается, что все эти приведенные соображения не теряют своей актуальности и сегодня при попытке объяснить историко-литературный процесс последних трех десятилетий XIX века, причем на материале не только региональной, но и общероссийской словесности.

«Жить тысячу жизней, страдать и радоваться тысячу сердец», – это нравственно-философское кредо Мамин-Сибиряк сделал и принципом своей поэтики, организующим началом которой выступает сама жизнь с ее спонтанными проявлениями и контрапунктом «голосов». Но в своих произведениях писатель изображает не только героев-простолудинов, носителей обыденного сознания, с их непосредственно-инстинктивными реакциями на мир, но и персонажей с высокоинтеллигентным типом сознания, застигнутых (что особенно важно) в состоянии умственного и душевного кризиса, некоей нравственно-религиозной «катастрофы». И здесь обнаруживается прямая типологическая близость маминской антропологии принципам толстовского психологизма и чеховской характерологии. Перечислим лишь ряд наиболее выраженных «толстовских» и «чеховских» рассказов Мамин: «Коробкин» и «Поправка доктора Осокина» (1885), «Душевный глад» и «Сибирские старцы, кухарка Анафья и гражданин Рихтер» (1900), «Последняя треба» (1892) и «Тот самый, который...» (1893), «Исповедь» (1894) и «Клецка и Клякса» (1909).

Так, в рассказе «Тот самый, который...» – совершенно в толстовском духе – повествуется о судьбе обманутого мужа Виктора Васильевича, который догадывается об измене жены с приятелем семейства, доктором Эрнестом Карлычем. Поначалу он даже желает смерти только что родившемуся ребенку, понимая, что это не его родной сын, но после реальной смерти малыша кардинально переоценивает всю систему традиционных для него жизненных ценностей: «Сколько раз Виктор Васильевич желал этой смерти, и вот она пришла... И все они трое (он, жена и доктор. – О.З.) здесь, все те, кто думал только о себе, те, кто не мог дать живой теплоты этому детскому сердцу... В жизни есть своя неумолимая арифметика...» [Мамин 1985: 238]. И далее: «И ничего теперь не нужно, даже той любви, которой недоставало маленькому сердцу. Зачем наступает этот летний день? Зачем поднимается солнце?... О, солнце, солнце, если бы ты могло видеть, как человек и зол, и несправедлив, и жесток...» [Там же: 239]. Однако, несмотря на столь, казалось бы, безнадежно-пессимистическое признание героя, рассказ заканчивается внутренне позитивным нравственным переворотом, актом великого покаяния – и со стороны мужа, и со стороны жены, когда «все забыто» и «все прощено» и герои делаются лучше, потому что они много прочувствовали и перестрадали.

В рассматриваемом рассказе находим характерное признание самого писателя: «Безусловно

дурных и порочных людей нет, как нет безусловно хороших – у *всякого есть своя маленькая поправка* (курсив наш. – О.З.), то, что в астрономии известно под именем личного уравнения» [Там же: 221]. В данном контексте «поправка» (или «личное уравнение») прямо отсылает к заглавию рассказа «Поправка доктора Осокина» (из цикла «Уральские рассказы»). Вот как объясняется автором закрепившаяся в городе Пропадинске за доктором Осокиным «репутация странного человека»: «В самом деле, пока другие разменивались на мелочи провинциального существования, он, доктор Осокин, вращался в мире великих идей, теорий, гипотез и гениальных предчувствий. У него была *своя* (курсив автора. – О.З.) идея, и он хотел приобщить ее к общей сокровищнице человеческого знания» [Мамин 2011: 385]. Этот новый, необычный для Мамин тип героя-идеолога потребовал от художника и нового характера письма, что особенно ярко проявилось в конце IV главы. Именно здесь картина прогрессирующего сумасшествия доктора Осокина разворачивается как оживающие в сознании героя воспоминания о прошлом и мечты о нереализованном настоящем. Именно здесь само художественное письмо обращается речевой интерференцией героя и автора-повествователя, заставляющей говорить о несобственно-прямой речи³ и зачатках нового, «персонального» нарратива, получившего дальнейшее развитие в рассказах чеховского типа.

4. Художественная аксиология писателя.

Решающим аргументом, свидетельствующим о включенности Мамин в основное, магистральное русло отечественной классической словесности, становится складывающаяся в творчестве писателя особая *антропологическая концепция*, в которой человек предстает феноменом экзистенциально-психологического и духовно-религиозного порядка. Реализм писателя, по его собственному определению, «одухотворенный»⁴, поскольку к социально-бытовой проблематике в нем примешиваются вопросы национальной духовности, высоких человеческих страстей, греха и покаяния, совести и веры. Не случайно в центре творческого внимания Мамин-художника (начиная с его ранних произведений, например, романа «В водовороте страстей» и далее, вплоть до циклов восточных легенд и святочных рассказов) располагаются проблемы нравственной свободы и волевой активности человека, в обязательном порядке подлежащие духовно-нравственной оценке и согласующиеся с идеей личностной ответственности, внутреннего совестного суда. В зрелом творчестве писателя указанная тенденция только нарастает, освобождаясь от ультрароманти-

³ Несобственно-прямая речь, с точки зрения В. Шмида, «формально выглядит как рассказ». Более того, «по своим формальным признакам она принадлежит одному лишь говорящему, т.е. рассказчику, но на самом деле в ней “смешаны два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два языка, два смысловых и ценностных кругозора”» [Шмид 1998: 202, 206]. Как видим, определение несобственно-прямой речи выстраивается у В. Шмида с опорой на бахтинскую цитату [см.: Бахтин 1975: 118].

⁴ Данный термин встречается в неопубликованных заметках Мамин к роману «Падающие звезды» и предположительно датируется 1896 г. [см.: Дергачев 1981: 228].

ческой окраски, получая глубоко нравственное и гуманистическое наполнение.

Первым, кто заговорил об «одухотворенном реализме» художника, был И.А. Дергачев. Еще в работе 1969 г. «Особенности реализма Мамина-Сибиряка» ученый писал, что для творчества писателя «характерно постоянное изменение авторского художественного сознания», что само по себе «делает трудным суммарное определение реалистического метода Мамина» [Дергачев 1973: 77]. Позднее исследователь констатировал тот факт, что «творчество самого Мамина в девяностые годы развивается в различных направлениях, которые на первый взгляд не должны были сочетаться в творчестве одного художника. Но постоянное стремление писателя слушаться самой действительности вело к самостоятельной проверке возможностей различных направлений. Сочетание столь разнородных тенденций (имеются в виду «социально-бытовой», «этнографический» реализм и крепнущая в 90-е годы тенденция к символической обобщенности и притчевости. – О.З.) затрудняет определение свойств и особенностей художественного метода Мамина-Сибиряка» [Дергачев 1981: 228]. Обозначенный самим писателем метод «одухотворенного реализма» И.А. Дергачев определял как «синоним того “романтического реализма”, который обнаружен рядом исследователей в творчестве Короленко и некоторых других авторов». По мнению исследователя, «Мамин, один из сильнейших “бытовых” реалистов», который «не отрицал возможности эволюции реализма» в сторону неоромантических и символистских тенденций [Там же].

Постановка вопроса об «одухотворенном реализме» заставляет пересмотреть наши представления об аксиологической (ценностной) системе художественного мира писателя. В самом общем виде модель художественной аксиологии Мамина может быть представлена в виде нескольких концентрических кругов. Первый и самый внешний круг – факторы социально-исторической детерминации. Именно они задают взгляд на Мамина как писателя-«натуралиста», или яркого представителя социологического реализма в русской литературе. Однако под внешней оболочкой в художественной аксиологии Мамина просматривается и второй, более глубокий слой – романтические и народно-поэтические представления о добре и зле, силе и красоте, напрямую соотносящиеся с коллективным опытом русского народа. Наконец, центрирующим «ядром» художественной аксиологии писателя выступает духовно-религиозная аксиоматика, верность автора православно-христианской системе ценностей.

Продемонстрируем сказанное на примере повести «Охонины брови» (1892), в которой еще сильны черты фольклорной поэтики, принципы народно-поэтической стилизации в духе балладного драматизма. Может даже создаться впечатление, что введенные в повесть утеснители народа (игумен Моисей, заводчик Гарусов, воевода Чушкин) – типы садистов, действия которых ничем не мотивированы, кроме их внутренних, психофизиологических реакций. Но Мамин очень точно расставляет знаки

социально-исторического порядка. «Игумен Моисей попал в разгар монастырского лихолетья (имеется в виду введение «новых духовных штатов», т.е. ограничение монастырских прав на владение землей и крестьянами. – О.З.), и это окончательно его ожесточило» [Мамин 1984: 258]. Жестокость Гарусова также отчасти объясняется тем, что он принимает дьячка Арефу за подосланного игуменом Моисеем шпиона. Сам герой напуган тем, что новое народное сопротивление, захватившее казаков, заводской люд и башкиров, «будет почище монастырской дубинщины» [Там же: 287]. Не случайно при встрече с Арефой в других обстоятельствах Гарусов прикидывается бродягой: «от прежнего зверя один хвост остался» [Там же: 302]. Жестокость с одной стороны порождает ответную жестокость, кровь смывается кровью. Даже сам воевода, осуждающий игумена Моисея и Гарусова за излишнюю кровожадность, вынужден признать: «Затеснили вконец крестьян, вот теперь и расхлебывайте кашу... Озlobился народ, озверел. У всякого своя причина» [Там же: 319]. Из эпилога повести мы узнаем, что шайка разбойников во главе с пугачевским атаманом Белоусом убивает злобного игумена Моисея, но со старым воеводой Полуэктом Степаньчем расправляется иным, довольно забавным образом: воеводу взяли в полон, высекли и отпустили домой.

В обрисовке типа народного разбойника Мамин исходит из народно-поэтических представлений, этико-эстетической системы народных ценностей, что найдет отражение и в цикле очерков «Разбойники» (1895). Атаман Белоус в повести «Охонины брови» изображен не как кровожадный и неумолимый преступник: подчеркивается масштаб его личности, внутренняя драма героя: «Закроет глаза атаман и все видит, как старый воевода голубит его Охоню. Вскочит он как бешеный, метнется по комнате и себя не помнит. Не воротить Охони, не переломить молодецкого сердца, не износить мертвого горя. Несколько раз ночью атаман подходил к затвору, брался за дверную скобу – и уходил ни с чем: не хватало его силы» [Там же: 334-335]. Автор-повествователь целомудренно умалчивает о сцене гибели Охони. Фигура умолчания в таком случае особенно красноречива: «Он (Белоус) сам отправился в затвор и вывел оттуда Охоню. Она покорно шла за ним. Терешка и Брехун долго смотрели, как атаман шел с Охоней на гору, которая поднималась сейчас за обителью и вся поросла густым бором. Через час атаман вернулся, сел на коня и уехал... <...> Охоня была найдена зарезанной на горе, в виду Служней слободы» [Там же: 337]. Автор избегает ненужного морализаторства. В этом плане он продолжает традицию исторического повествования, известную нам по гоголевской повести «Тарас Бульба».

Наконец, самый глубокий уровень авторской аксиологии, связанный с центральным персонажем повести. Это дьячок Арефа, который изначально – еще до всех событий рассказываемой им «скорбной повести» – готов был постричься в монахи. Не в этом ли и состоит телеология сюжета: «Да и не стоило на миру жить. Отдохнуть хотел Арефа и упо-

коить свою грешную душу. Будет, до зла-горя черпнул он мирской суеты, и пора о душе позаботиться» [Там же: 255]. Не случайно прошедший весь ад гражданской войны Арефа в финале повести вдруг самым неожиданным образом (мотив чуда!) оказывается на церковной паперти в осажденной слободе: он сидит там, закрыв лицо руками и горько плача. А в эпилоге мы узнаем, что дьячка Арефу присудили к пострижению в монастырь. Молитвы дьячка, посылаемые святому Прокопию, таким образом, оказались услышаны. И не потому ли услышаны, что Арефа всегда знал ответ на вопрос: «Главная причина, кто сильнее: преподобный Прокопий али Гарусов?..» Конечно, «преподобный Прокопий вызволит и от Гарусова». Духовно-молитвенный подвиг одолевает материально-физическую силу. В этом как раз и состоит, по Мамину, идея истинного величия «маленького человека», представление о подлинном героизме как «самостоянии» личности.

5. Интертекстуальный фон произведений Мамина-Сибиряка.

Произведения Мамина 1890–1900-х годов характеризуются многочисленными интертекстуальными переключками, что свидетельствует об активной включенности писателя в ситуацию творческого диалога с предшествующей классической традицией и современной ему литературой. Присмотримся более внимательно к рассказу «Пустынька» (1908), сюжет которого отсылает к среде петербургских маргиналов и, по сути, вступает в диалогические отношения с горьковской пьесой «На дне» (1902). С поистине безжалостной натуралистической правдой (как некогда в рассказе «Башка») писатель изображает социальное дно и отверженных людей. Располагающаяся вдали от города лесная Пустынька – предельно замкнутое пространство со своими звериными законами (ср.: «В лесу-то один Никола бог... Ступай, ищи, кто убил» – [Мамин-Сибиряк 1917: 397]). Именно убийством из ревности – отравлением девушки Аннушки, не смогшей соблюсти себя в Питере и превратившейся в бездомную «горюшку», – заканчивается суровый в своей обличительной правде маминский рассказ.

Постараемся аргументировать отмеченную нами параллель с горьковской пьесой «На дне». Прежде всего обратим внимание на образ старика Митрича – стихийного философа и благодушного старца, речь которого обильно оснащена народными пословицами и изречениями из евангельского текста. Несомненно, что данный образ уже напрямую переключается с горьковским странником Лукой, но связь с толстовской концепцией человека (как это будет показано в дальнейшем) позволяет прояснить художественную генеалогию этого образа.

Мамин в своем рассказе разыгрывает ситуацию философско-идеологического диспута, в который наряду с Митричем втягивается его непримиримый оппонент – чухонец Егор Иванович. «На свете все несправедливо» – центральное утверждение Егора Ивановича, развитие которого грозит перерасти в богоборческую тенденцию. В ответе Митрича, напротив, звучит евангельская мысль об апологии труда, который не просто приравнивается к молит-

ве, но ставится даже выше ее в плане спасения человеческой души: «И в Писании сказано это самое: „...не трудивыйся ниже да ясть“. <...> Работа все одно, как молитва, и черту она, напримерно, хуже даже монашеской молитвы» [Там же: 398]. Дальнейшее развитие спора захватывает вопрос о происхождении неправды, о природе человека, его вине, в том числе и о притеснении женщины в семье. Митрич отвергает грех осуждения во всех его формах, как проявление гордыни: «Который человек осудил, то любую половину чужого-то греха на свою душу и принял... Это уж верно. По-моему и греха больше нет, как осуждать другого» [Там же: 399]. Далее – совершенно в толстовском духе – предьявляется аргумент в защиту бесправных женщин, потерявших свою честь. Выпишем его подробно:

– А ты вот как думай, – говорит Митрич, продолжая думать вслух. – Да... Ты на бабу-то смотри, как на родную сестру... Понял? Оно, зверство-то, которое в тебе есть – оно и сгинет. Главное в человеке: совесть. Перед чужой женщиной про совесть-то и забывают, а при сестре, значит, не всякое дикое слово скажешь и вредных мыслей в голове не будешь держать. Это уж верно... Не хитрая механика, а только про нее не помнят... [Там же: 400]

Заявленное отношение к женщине как сестре уводит к осуществленному Л. Толстым вольному переложению новеллы Мопассана «Француз» (1891). Приведем из толстовской новеллы лишь последние слова моряка Селестина Дюкло после встречи в притоне с родной сестрой Французой, приоткрывающие смысл авторской позиции: «Прочь! (обращается Дюкло к матросу, обнимающему продажную девку. – О.З.) разве не видишь, она сестра тебе! Все они кому-нибудь да сестры. Вот и эта, сестра Француз» [Толстой 1982: 263]. Именно эту толстовскую мысль Мамин вкладывает в уста своего философствующего героя Митрича.

Что же касается самого автора-повествователя, то он придерживается *диалогических принципов* в решении идейно-философского конфликта, отстраняясь от своих противоборствующих героев-оппонентов. Его отношение к заявленной проблеме приоткрывает следующая фраза «Старческое благодушие не производило впечатления на суровую душу Егора Иваныча, и он оставался при своем убеждении о необходимости возмездия и кары» [Мамин-Сибиряк 1917: 399]. Каждый герой, таким образом, придерживается своей точки зрения, исповедует свою философию. Прислушаемся к еще одной характерологической оговорке: «Старый Митрич устало вздыхает, припоминая разные молодые грехи» [Там же]. Не напрашивается ли отсюда вывод, что философия Митрича, обусловленная его нынешним старческим состоянием, лишь реакция на грехи его собственной молодости? Кстати, именно такой точки зрения придерживается его идейный оппонент Егор Иваныч: «Совесть – это уже под старость, значит, когда старый человек и хотел согрешить – да нечем грешить-то... А когда ежели человек в полной силе... кровь в нем ходит...» [Там же: 403]. Но и в этом случае нельзя однозначно определить позицию автора, его отно-

шение к спорящим сторонам. Смысл диалогического конфликта не в том, что в него втянуты две спорящие стороны, а в том, что такой конфликт не признает однозначного разрешения по принципу «кто прав и кто виноват».

При этом показателен еще один момент: мужские герои-идеологи высказываются по поводу тяжелой женской доли; именно женская судьба оказывается в центре их философско-идеологического диспута. И судьба эта (на примере отравительницы Дарьи Семеновны), казалось бы, с одной стороны, подтверждает скептическую точку зрения Егора Иваныча на женскую хитрость в перемирии с Аннушкой, но, с другой стороны, доказывает и правоту Митрича, хотя бы в той части, что человек не может жить без раскаяния в совершенном грехе. Обращение отравительницы в полицию, ее желание пострадать и тем самым получить прощение выдает порыв живой совести, еще не до конца загубленной души. «От греха-то, видно, и в лесу не спрячешься...» [Там же: 406] – эти слова Митрича призваны подчеркнуть притчевый характер развернувшейся в лесной пустыньке человеческой трагедии.

6. Языковое мастерство писателя. Функции художественного сравнения.

О книгах Мамина-Сибиряка М. Горький заметил, что они помогают «понять и полюбить русский народ, русский язык». И действительно, в уральском писателе поражает глубокое чувство национального языка, тончайшее знание устной народной речи. Лингвостилистический анализ обнаруживает богатый пласт используемых писателем фразеологизмов и диалектных слов, пословиц и поговорок [Муравьева 1952; Генкель 1974; Коноплева 2005]. Менее изученными на сегодняшний день остаются функции художественного сравнения в творчестве Мамина, а между тем сравнительные обороты, в том числе и метафорические уподобления, играют важную роль в его поэтике.

Выделим целый ряд натурализующих сравнений. Функция их – приземление образов, низведение их в план прозаически-бытовой, а нередко и откровенно сатирический. Первый подвид натурализующих сравнений – сравнения предметно-вещного плана, второй подтип – зооморфного характера. Особенно богат примерами того и другого рода роман «Горное гнездо». Персонажи в нем сравниваются с «пушечным ядром», «аляповатой детской игрушкой», «затасканной замшевой куклой», «манекеном», «чугунной болванкой» и даже «человеческим хламом» [Мамин-Сибиряк 2007: 71, 97, 103, 126, 270]. Еще более широк спектр зооморфных сравнений, выдающих сатирическую установку автора. Остановимся лишь на самых колоритных примерах: «она (Раиса Павловна) сильно волновалась, как *старый боевой конь*, почуявший пороховой дым»; «Приживалки, которых Прозоров называл *галками*, бесцельно слонялись по всему дому, как *осенние мухи* по стеклу...»; «Горничные шныряли из комнаты в комнату с рассказом об обезьянах, как *мышь*, побывавшие в муке»; «хозяйка (Амалия Карловна) походила на *кошку*, которая целый день моет лапкой»; «эта толпа увеличивалась и начинала

походить на *громадное шевелившееся животное*»; «Родион Антоныч чувствовал себя тем *клопом*, который с неуклюжей торопливостью бежит по стене от занесенного над его головой пальца»; «Сарматов обращался с ней (Наташей Шестеркиной), как с *пожарной лошадей*»; «Дымцевич, как всегда, ошпылся, как *воробей* перед дождем»; «Родион Антоныч глядел с печальной задумчивостью, как *наблудивший кот*»; «Собравшиеся прежде всего, конечно, сделали самый строгий осмотр друг друга, как *слетевшиеся пчелы*» [Там же: 9, 73, 78, 122, 135, 138, 162–163, 181, 182–183]. Примечателен также снявшийся Родиону Антонычу гротесковый сон, в котором герою чудится, что «он не Родион Антоныч, а просто... *дупель*. Как есть *настоящий дупель*: нос вытянулся, ноги голенастые, все тело обросло перышками пестренькими» [Там же: 49].

Однако чаще всего в произведениях писателя разворачивается борьба между нарочитым овеществлением героев, с одной стороны, и одухотворяющей установкой, с другой. Так, в святочной миниатюре Мамина-Сибиряка «Душа проснулась» сюжет оживления души инока Касьяна подкрепляется особо колоритным «одухотворяющим» сравнением с перелетной птицей: «Иноки плакали от умиления, плакал и Касьян: к нему вернулась жизнь. Он видел и слышал и мог говорить и удивляться. Неужели прошла целая зима? Живая душа вернулась в это изможденное тело, как *перелетная птица в старое гнездо*. Брат Касьян мог теперь молиться и славить Бога» [Мамин 1917: 128]. Как показывают наблюдения над другими произведениями писателя, мотив сравнения духовного начала в человеке с птицей представляется не просто сверхчастотным, но, пожалуй, даже личностно-архетипическим для Мамина-художника. Вот только несколько примеров: Груня «затрепетала, словно *подстреленная молоденькая птичка*» («В водовороте страстей»); «Агния Ефимовна очутилась на полной воле, как *выпущенная из клетки птица*» («Пир горой»); Мосевна «бросается к ногам лошади и бьется, как *подстреленная птица*» («Бабий грех»); «Ему вдруг стало жаль вот эту несчастную, которая, как *ночная птица*, летела на окно, освещенное чужим светом» («Нимфа»); «И час, и два прошло, а она все на могилке, как *птица над своим гнездом*» («Аннушка»); «Его (протопопа Кирилла) вдруг охватила та щемящая тоска, которая овладевает *попавшеюся в клетку вольною птицей*. Это была живая могила» («Великий грешник»). Характеризуя главного героя очерков «Бойцы» Савоську, автор отмечает: «Он так умеет надеть на себя свои заплаты и идет по улице с таким самодовольным видом, что сейчас *видно птицу по полету*. А если он раздобылся красной рубашкой, дырчатыми сапогами и мало-мальски приличным чекменем, он *ходит* по пристани *гоголем* и знает ничего и никого не хочет» [Мамин-Сибиряк 2011: 190]. В рассказе «Переводчица на приисках» сильный и целеустремленный характер главной героини Ираиды Филатьены также подчеркивается образным сравнением с птицей: в финальной сцене самоубийства она «распустилась ... как *подстреленная птица*» [Там же: 623]. Сюжетно-концепту-

альным мотивом «божьей», «правильной» птицы в виде замерзшего гусиного косяка завершается последний в составе цикла «Уральских рассказов» очерк – «Вольный человек Яшка».

Как видим, функция художественного сравнения в произведениях Мамина – не только сюжетно-характеризующая, но и философско-символическая, что согласуется с представлением об «одухотворенном реализме» писателя.

7. Перспективы исследования. Степень внедрения результатов.

Без постановки глобальных целей, разработки широкомасштабных проектов вообще трудно представить современное маминоведение как ведущую отрасль литературной регионалистики. В целях оптимизации исследовательской работы представляется необходимым создание единого электронного банка информации «Мамин-Сибиряк: исследования и материалы». Размещение его, например, на сайте «Литература Урала» позволило бы консолидировать усилия всех занимающихся творчеством уральского писателя-классика.

В настоящее время на базе кафедры русской литературы Уральского федерального университета готовится к изданию научная монография «Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения». Цель данного проекта – выработка современной научной концепции творчества Мамина-Сибиряка, целостная характеристика его художественного мира, определение вклада писателя в разработку новых романских форм, в историю средних и малых прозаических жанров – таких, как повесть, рассказ, очерк, цикл. В центре внимания уральских исследователей также осмысление многосторонних творческих связей, интертекстуального фона, проблем рецепции (читательского и литературно-критического восприятия) художественно-эстетической системы писателя. На практике это предполагает использование аксиологического и жанрологического подходов, новейших принципов геоэтики и этноконфессионального рассмотрения литературно-художественных текстов Мамина. В приложение к монографии планируется поместить целый ряд ценных документов и архивных материалов из фондов Объединенного музея писателей Урала и Государственного архива Свердловской области, непосредственно относящихся к Мамину-Сибиряку. Предполагается также включить ценнейший опыт библиографического описания научных трудов о Мамине с 1977 г. по 2012 г., что призвано существенно дополнить имеющийся библиографический указатель [Д.Н. Мамин-Сибиряк... 1981].

Еще об одном издательском проекте. Сектор истории литературы Института истории и археологии УрО РАН совместно с филологами Уральского федерального университета и других научно-образовательных центров Урало-Сибирского региона осуществляет широкомасштабное издание академической «Истории литературы Урала» в трех томах. Центральная часть второго тома, охватывающая историко-литературный процесс XIX века, должна быть отведена творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка. Выработка концепции и структуры дан-

ного раздела – насущная задача современной уральской регионалистики.

В стадии разработки находится проект Маминской энциклопедии. Идея его была впервые озвучена в 2007 г. профессором Уральского университета В.В. Блажесом. Им же были рассмотрены основные вопросы, связанные со сбором подготовительных материалов, с объемом будущего издания, его композиционной структурой и словариком. Планировалось две части энциклопедии: в первую должны были войти статьи по словнику, охватывающие весь корпус сочинений писателя, а во вторую – летопись жизни и творчества Мамина-Сибиряка, его научная биография, библиографический список основной литературы о жизни и творческом наследии писателя, а также словарь устаревшей и диалектной лексики его произведений. Однако продвижение от замысла к его осуществлению – дело непростое. Реализация подобного проекта (как это видится в нынешней ситуации) возможна лишь в рамках многоэтапного гранта с привлечением широкого коллектива специалистов (литературоведов, фольклористов, лингвистов, краеведов, музейных работников, культурологов, искусствоведов, библиографов). Представляется также целесообразным выделить несколько этапов в подготовке проекта: во-первых, составление словаря-справочника «Мамин-Сибиряк: сочинения, письма, документы»; во-вторых, создание «Летописи жизни и творчества Мамина-Сибиряка»; в-третьих, комплексное освещение темы «Мамин-Сибиряк в зеркале русской и мировой культуры».

Загадывая планы на будущее, необходимо реально оценивать и достигнутые результаты в области литературной регионалистики. Уже сейчас они широко используются в системе университетского образования при разработке базовой учебной дисциплины «История литературы Урала» и в подготовке специального курса «Жанровый состав и поэтика прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка». Многие из предложенных идей широко апробируются в учебно-образовательном процессе, в работе с магистрантами и аспирантами по отдельным вопросам литературной регионалистики и – шире – теме «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности». Дальнейшее развитие данные идеи могут получить на уроках литературы в средней школе, при составлении учащимися творческих работ и рефератов. Открытия университетских филологов, несомненно, найдут свое отражение в издательской практике и опыте комментирования Полного собрания сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Но, пожалуй, самое главное: помимо решения актуальных научных и учебно-методических задач, Маминский проект в рамках литературной регионалистики должен послужить большой общественно-значимой цели – воспитанию патриотизма российских граждан, истоки которого начинаются с любви к малой родине, родному краю. Его задача – расширение традиционных представлений о культуре Урала, о ее интеллектуальном и художественно-эстетическом богатстве, развитие

идей просвещения современного подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975.
- Генкель М.А.* Частотный словарь романа Д.Н. Мамин-Сибиряка «Приваловские миллионы». – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1974.
- Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990.
- Дергачев И.А.* Книги и судьбы: Страницы литературной жизни Урала. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973.
- Дергачев И.А.* Д.Н. Мамин-Сибиряк: личность, творчество. 2-е изд. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981.
- Дергачев И.А.* Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992.
- Дергачев И.А.* Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х годов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
- Д.Н. Мамин-Сибиряк. Библиографический указатель / сост. Л.Н. Лигостаева. – Свердловск: Свердл. гос. науч. биб-ка им. В.Г. Беллинского, 1981.
- Елпатьевский С.Я.* Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1962.
- Из воспоминаний Ф.Ф. Фидлера: Машинописная рукопись. Фонды ОМПУ.
- История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука, 1980–1983.
- Коноплева О.С.* Фольклоризм «Уральских рассказов» Д.Н. Мамин-Сибиряка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915–1917.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1917. Т. 12.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: в 12 т. / под ред. Е.А. Боголюбова. – Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1948–1951.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: в 8 т. – М.: Гослитиздат, 1953–1955.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: в 10 т. / под ред. А.И. Груздева. – М.: Правда, 1958.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1980–1981.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Черты из жизни Пепко: Роман и повести / подг. текста и коммент. И.А. Дергачева. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Рассказы разных лет / подг. текста и коммент. И.А. Дергачева. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Сибирские рассказы / прим. и послесл. И.А. Дергачева. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. Т. 1.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: в 2 т. / сост. и коммент. Е.Н. Евстафьевой. – М.: Русская книга, 1999. Т. 2.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Полн. собр. соч.: в 20 т.- Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. Т. 3: Горное гнездо. Дикое счастье. Повести, рассказы и очерки 1883–1884 гг.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Поздняя проза. – Екатеринбург: Сократ, 2008.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Полн. собр. соч.: в 20 т. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. Т. 5: Уральские рассказы.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Клад Кучума. – Екатеринбург: Сократ, 2012.
- Муравьева В.Н.* Просторечная и диалектная лексика в рассказах Мамин-Сибиряка 80–90-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1952.
- Потапенко И.Н.* <А.П. Чехов и Д.Н. Мамин-Сибиряк> // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1962. – С. 219–221.
- Пришвин М.М.* Мы с тобой. По Дневнику 1940 года // Дружба народов. 1990. № 6. С. 236–269.
- Творчество Д.Н. Мамин-Сибиряка в контексте русской литературы: Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д.Н. Мамин-Сибиряка, 4–5 ноября 2002 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
- Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. – М.: Худож. лит., 1982. Т. 12.
- Чмыхало Б.А.* Региональные проблемы истории русской литературы: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 1993.
- Шмид В.* Вклад Бахтина/Волошинова в теорию текстовой интерференции // Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. 2-е изд, испр., расш. – СПб., 1998.

Данные об авторе:

Олег Васильевич Зырянов – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 336.

E-mail: philologusu@rambler.ru

About the author:

Oleg Vasilievich Zyryanov is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature Department of the Ural Federal University (Yekaterinburg).